

© 1994 г.

А.С. Русяева, В.В. Назаров

ФРАГМЕНТ ЩИТА ИЗ ОЛЬВИИ

За все время археологических исследований в Ольвии и ее округе обнаружено сравнительно мало древнегреческого оружия¹. Поэтому каждая новая находка представляет интерес для специалистов. Данная публикация посвящена рассмотрению уникальной для Северного Причерноморья бронзовой пластины, являющейся деталью круглого щита архаического времени.

Пластина найдена при раскопках Западного темелоса в 1978 г. в нарушенном позднейшими вторжениями ссороглинистом слое на глубине 1,20—1,40 м. Ни стратиграфия, ни сопровождающий керамический материал довольно широкого хронологического диапазона (VI—I вв. до н.э.) не могут служить надежным критерием для определения ее датировки и назначения. В момент обнаружения пластина лежала в раздавленном виде. Значительная ее часть была полностью уничтожена в процессе окисления, удалось собрать и реставрировать только относительно уцелевшие фрагменты² (рис. 1). Она имеет прямоугольную форму размерами 6,4×6,3 см.

Внешняя сторона пластины украшена рельефными изображениями. В центральной части представлена, по-видимому, сцена борьбы. С левой стороны помещена в профиль полуприсевшая мужская фигура, вероятно, в шлеме, с протянутой вперед рукой, в которой, очевидно, было оружие (копьё?). Напротив ее находится, судя по частично сохранившемуся изображению ноги, коленапреклоненная фигура. По едва просматриваемым деталям на отдельном обломке от этой пластины можно предположительно считать, что на ее голове также был шлем. Оба шлема, скорее всего, коринфского типа, увенчаны лфосами. Центральная сцена со всех сторон была окаймлена узкой рельефной полоской и бордюром: по вертикали — плетенка с выпуклыми точками, по горизонтали — киматий. Причём сверху и внизу его до края пластины оставлена гладкая поверхность, в то время как орнамент из плетенки заполняет все пространство.

Насколько позволяет судить сохранность фигур, они исполнены в архаическом стиле. Хорошо видна геометрическая манера: почти прямая спина, очень узкая

¹ Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода // ТОИПК. 1941. Т. 1. С. 129, 134, рис. 12; ОАК за 1908 г. С. 78. Рис. 64—66; Черненко Е.В. Ножны греческого меча из Ольвии // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 120—127; он же. Деталь ножен ксифоса из Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 174—178; он же. Вооружение // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. С. 498—503; Русяева А.С., Черненко Е.В. Новые находки оружия из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 99—104.

² Реставрация проведена Р.С. Орловым. Химической чистке из-за плохой сохранности пластины не подвергалась.

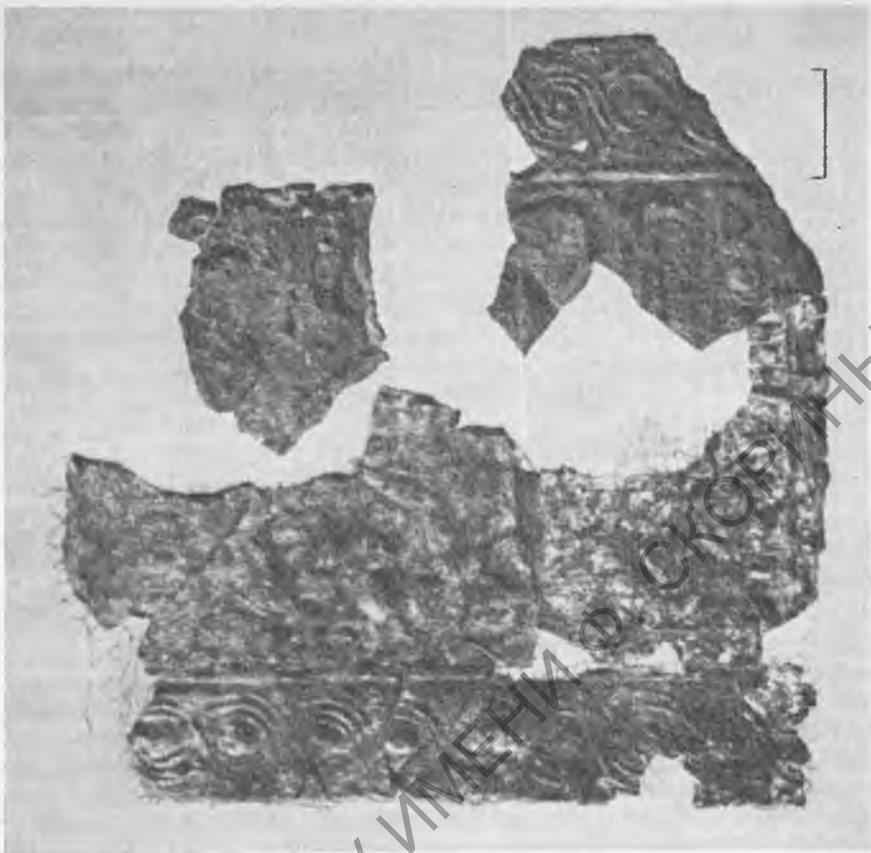

Рис. 1. Декоративная пластина от щита из Ольвии

талия по сравнению с более широкой плоской грудью, очерченные контуры ног, рук и шлема. Формы тела левой фигуры обобщены, ее пропорции несколько нарушены и поза кажется не совсем естественной. Вторая фигура показана в схеме коленопреклоненного бега. Такой тип изображений был широко распространен в вазописи и скульптуре VI в. до н.э.³ Обе фигуры симметричны, хотя зеркальная симметрия здесь отсутствует. Необходимость отражения борьбы между двумя персонажами, видимо, заставила мастера показать их в несколько различных позах, что должно было способствовать восприятию движения. Моделировка черт лица также носит весьма условный характер, свойственный архаическому искусству. Плохая сохранность рельефов не дает полного представления о композиции и сюжетной взаимосвязи между персонажами. И все же нельзя не отметить, что мастер хорошо решил задачу ее построения на небольшом поле пластины. При существующей в архаическом искусстве манере изображения преимущественно спокойно стоящих фигур им преодолена их застылость с помощью передачи их способности к движению, несмотря на ее условные приемы. Естественно, что если бы рельефы сохранились лучше, они,

³ Ср. фронтоны и метопы архаических храмов в Ионии и на территории Италии, а также различные изображения со сценами борьбы и состязаний на чернофигурных сосудах (см., например: *Charbonneaux J., Martin R., Villard F. Grèce archaïque. P., 1968; Zanotti-Bianco U. La Magna Grecia. Genova, 1961; Langlotz E. Die Kunst der Westgriechen in Sizilien und Unteritalien. München, 1963; Beazley J. Attic Black-Figure Vase-painters. Oxf., 1956).*

бесспорно, дали бы больше сведений для определения их художественных качеств и выяснения сюжета, а возможно, и имен представленных здесь персонажей.

Пластины такой конструкции и аналогичного декоративного оформления, но с различными сюжетами, хотя и немногочисленны, однако известны среди памятников древнегреческого искусства второй половины VI в. до н.э. По стилистическим признакам ольвийская пластина также относится к этому времени. В своем большинстве все известные рельефные изображения на бронзовых пластинах найдены при раскопках святилищ (Олимпия, Дельфы, Акрополь в Афинах, Додона и т.д.)⁴. На них помещены различные сюжетные изображения сражающихся противников в том же геометрически-условном архаическом стиле, что и на ольвийской пластине. На отдельных, лучше других сохранившихся плоскостях некоторые персонажи наделены оружием — луком или копьём. Пластины относят к аргиво-коринфскому производству⁵. Весьма сходная манера исполнения сцены борьбы прослеживается на рельефе у основания ручки коринфского зеркала из ольвийского архаического некрополя, где показано нападение Ореста на Эгисфа или Неоптолема на Приама⁶.

Относительно назначения конструктивно близких ольвийской пластин существовали разные точки зрения, в частности, что они служили обкладками деревянных шкатулок, ящичков, ларцов и других предметов⁷. В последнее время многие из них интерпретируются в качестве деталей щита⁸. Серия таких изображений, отчеканенных на сплошной бронзовой ленте, помещалась на внутренней поверхности щита, перпендикулярно петлям для продевания руки (рис. 2)⁹. С основной функцией щита как защитного оружия такие пластины не связаны и представляют собой чисто декоративные элементы. Сюжеты композиций подбирались, как правило, по героической тематике и были призваны воодушевлять на подвиг владельца щита¹⁰, в то время как украшения наружной поверхности — оказывать устрашающее действие на врагов. Снаружи щит часто имел изображения Горнон, хищных животных; известно изображение Фобоса, найденное в Олимпии¹¹. Наряду с этим лицевая поверхность щитов могла нести эмблемы родовых, а позднее — территориальных фил¹², а зачастую, судя по рисункам на вазах, была лишена какого-либо декора.

Обоснование реконструкции внутренней поверхности щитов базируется как на реальных находках с размещением пластин *in situ*¹³, так и на многочисленных рисунках на античных вазах, скульптурных изображениях. В частности, на о-ве Березань был найден фрагмент хиосского кубка (кратера) с изображением воина, вооруженного щитом и копьём¹⁴. В числе конструктивных и декоратив-

⁴ Furtwängler A. Olympia Bronzen. B., 1890. Bd. IV. Taf. 34, 39; BCH. 1892. XVI. P. 357. Pl. 10, 11, 14, 15; Gerdrizet M. Fouilles de Delphes. V. V. P., 1908. P. 123. Pl. XXI; Lamb W. Greek and Roman Bronzes. L., 1929. P. 115. Fig. 2; Payne H. Perachora. Oxf., 1940. P. 114. Pl. 47—50.

⁵ Payne. Op. cit. P. 114.

⁶ Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 26. Таб. X, 9; Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. 17. С. 39. Рис. 2; Скудова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 25, 59.

⁷ Payne. Op. cit. P. 114.

⁸ Connolly P. Greece and Rome at War. L., 1981. P. 52; Bol P. Antike Bronzetechnik. Kunst und Handwerk antiker Erzbildner. München, 1985. S. 60—63. Abb. 36—38.

⁹ Реконструкция: Bol. Op. cit. S. 56. Abb. 32.

¹⁰ Возможно, как и в вазописи, здесь представлена своего рода иконография Троянской войны, которая связывалась с наиболее популярной у греков поэмой Гомера «Илиада».

¹¹ Соколов Г.И. Олимпия. М., 1980. С. 59—61.

¹² Назарчук В.И. Фрагментированный килик из Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 132.

¹³ Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. B., 1956. Taf. 16—18, 20, 21.

¹⁴ Русяева А.С. Культура // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 522. Рис. 194, 1; Корпусова В.Н. Восточногреческая расписная керамика // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев, 1987. С. 45. Рис. 18, 3.

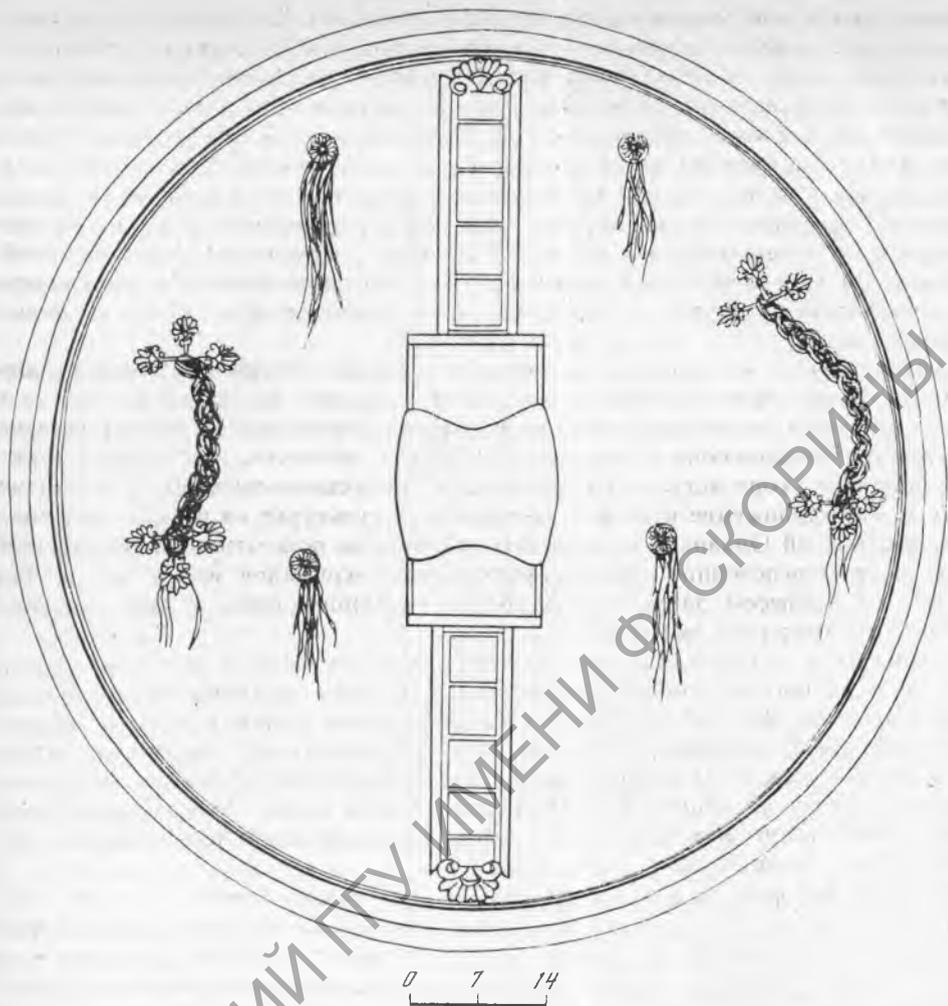

Рис. 2. Реконструкция внутренней поверхности щита

ных элементов внутренней поверхности щита присутствует и интересующая нас пластина. Данный обломок сосуда издатели датируют второй половиной VII в. до н.э., таким образом, мы имеем достаточно раннее изображение «аргивского» щита. С Березани происходит также граффито VI в. до н.э. с изображением, вероятно, Ахилла в полном вооружении гоплита¹⁵. На тыльной стороне щита хорошо просматривается лента декоративных пластин.

Тип «аргивского» щита сформировался и получил распространение в греческих полисах в течение VIII в. до н.э. в связи с появлением фаланги¹⁶. Будучи малопригодным из-за низкой маневренности в условиях единоборства, большой круглый щит как нельзя лучше соответствовал задаче, стоящей перед фалангой — образовать сплошную линию тяжеловооруженных воинов, неуязвимую для метательного оружия противника. Последнее было чрезвычайно важно, поскольку, обладая сокрушительной ударной силой, фаланга, ввиду своей громоздкости,

¹⁵ Латин В.В. Раскопки поселения на о. Березань // КСИА. 1961. Вып. 11. С. 147. Рис. 2.

¹⁶ Connolly. Op. cit. P. 32.

являлась прекрасной мишенью для легковооруженных пехотинцев и всадников. Основное достоинство фаланги — монолитность оборачивалась ее основным недостатком, и вся ее дальнейшая эволюция характеризуется попытками устранения этого противоречия. Первым и наиболее простым способом защиты бойцов фаланги стало введение тяжелого оборонительного вооружения, в «обязательный набор» которого, судя по всему, входили шлем и большой круглый щит, а для сражающихся в первых рядах неизменным атрибутом являлись также панцирь и поножи. Дальнейшее развитие этой тактической формы шло по линии выработки принципов взаимодействия фаланги гоплитов с легковооруженной пехотой и конницей. На протяжении всей истории античной Эллады фаланга играла видную, а в архаическую эпоху — практически исключительную роль в области военного дела.

Таким образом, ко времени начала колонизации Северного Причерноморья эллинами были сформированы основные положения их военного искусства, а также сложился соответствующий комплекс наступательного и оборонительного вооружения. Обосновавшись на берегах Понта, в частности, в Нижнем Побужье, греки довольно скоро вступают в контакты со скифскими племенами. Их результатом не стало сложение некоей синкретической культуры; на протяжении последующих столетий Ольвия и ее округа сохраняют во всех отношениях эллинский облик, хотя определенное влияние варварского окружения имеет место. Разумеется, эти процессы затронули и область военного дела, однако, до какой степени, еще предстоит выяснить.

Публикуемая находка дополняет наши представления о панцирях ольвиополитов и пополняет список найденных в Ольвии фрагментов именно греческого оружия. До сих пор были известны детали ножен ксифосов, обломок клинка махайры, шлемы (см. прим. 1). Малочисленность подобных находок в сочетании с наличием количественно преобладающих предметов вооружения «скифского типа» позволила Е.В. Черненко сделать вывод, что комплекс вооружения ольвиополитов в целом был скифским, вследствие чего «лучники, а не гоплиты были главной силой войск Ольвии»¹⁷.

Не оспаривая факт широкого использования ольвиополитами оружия «скифского типа», мы все же выразим несогласие с приведенным тезисом на основании следующих соображений. Незначительное количество находок фрагментов греческого оружия вовсе не служит показателем его малочисленности в Ольвии. В самой Греции находки тех же ксифосов чрезвычайно редки¹⁸, однако никто не станет утверждать, что применение их и там было ограниченным. Относясь к числу предметов весьма дорогостоящих, оружие не выбрасывалось в случае поломки, его детали могли использоваться вторично (те же ножи, рукоятки), а обломки клинков — переделываться в ножи или другие орудия труда. Не случайно ведь большинство предметов вооружения найдено в святилищах, куда они попали в качестве приношений, благодаря чему и сохранились. Кроме того в отличие от орудий производственного или бытового назначения оружие применялось эпизодически и служило в течение длительного времени. Поэтому трудно ожидать массовых находок клинкового, а тем более защитного вооружения. В такой ситуации даже единичные находки определенных видов оружия (к тому же разновременного) весьма показательны и дают представление о комплексе вооружения ольвиополитов.

Что касается соотношения гоплитов и лучников в войске Ольвийского полиса, то и к этому вопросу следует относиться достаточно осторожно, учитывая

¹⁷ Черненко Е.В. Оружие Ольвии VI—IV вв. до н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 81.

¹⁸ Он же. Деталь ножен ксифоса из Ольвии // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 174.

противоречивость имеющихся данных. С одной стороны, относительно многочисленные находки наконечников стрел в городских слоях и на некрополе, известная модель лука¹⁹, данные эпиграфики, в частности, эпиграмма в честь Анаксагора, сына Демагора²⁰, следы производства стрел²¹, наконец, монетная иконография²² свидетельствуют о широком применении лука. С другой стороны, находки деталей вооружения гошлитов, о которых мы уже упоминали, граффити с изображением гошлитов, происходящие из раскопок Березанского и Бейкушского поселений²³, дают основание предполагать существование тяжеловооруженной пехоты, а значит и фаланги как вида тактического построения войска. Публикуемая в настоящей работе пластина от щита, использовавшегося гошлитами именно в составе фаланги²⁴, лишний тому подтверждение.

Бытует мнение²⁵, что фаланга в Северном Причерноморье вообще не применялась, так как ввиду своей малоподвижности она не могла эффективно бороться со скифской конницей. Отсюда следует вывод, что основная роль в военных действиях отводилась легковооруженным воинам-лучникам²⁶.

Действительно, бороться с конницей кочевников фаланге гошлитов довольно сложно, но только тогда, когда греки оказываются атакующей стороной и ставят целью полный разгром противника с последующим его уничтожением. В противном же случае положение резко меняется: фаланга становится препятствием, способным остановить натиск скифов и, перейдя в контратаку, коротким ударом обратить их в бегство. Неповоротливость фаланги исключала при этом длительное преследование, однако малочисленность ольвиополитов, как правило, не позволяла далеко отходить от городских стен, а значит не могло быть и речи о нанесении скифам крупного поражения. Этого, впрочем, и не требовалось. Анализ имеющихся сведений о военных действиях, проводившихся ольвиополитов в V в. до н.э.²⁷, показывает, что стратегическая концепция последних сводилась к обороне, а не к каким-либо экспансионистским устремлениям. Основной задачей полисного ополчения было отражение набегов кочевников, не предусматривающее их окончательного разгрома и уничтожения (что было в принципе и невозможно).

Альтернативой предложенной модели может быть только предположение о существовании в Ольвии сильной конницы. Легковооруженная пехота (лучники) в любом случае не представляла собой серьезного противника для скифов и

¹⁹ Козуб Ю.И. Некрополь Ольвии V—IV ст. до н.э. Київ, 1974. С. 108. Рис. 54.

²⁰ IOSPE I². 195.

²¹ Фурманська А.І. Диварні форми з розкопок Ольвии // Ольвия. АП УРСР, 1958. VII. С. 41. Табл. 1; Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981. С. 98; Назаров В.В. Новые данные о бронзолитейном ремесле в Ольвии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. докл. VI республиканской конф. молодых археологов. Киев, 1987. С. 112.

²² Зограф А.И. Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 5—14.

²³ Лацин В.В. Раскопки поселения на острове Березань в 1960 г. // КСИА АН УССР. 1961. II. С. 47 сл. Рис. 2; Буйских С.Б. Исследования Бейкушского поселения // АО. 1985 г. М., 1987. С. 312; *он же*. Новые эпиграфические находки с Бейкушского поселения // Древнее Причерноморье. II Чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Тез. докл. юбилейной конф. Одесса, 1991. С. 12. Изображение гошлита представляет березанское граффито с именем Идана (АБ-74-260). Недавно при раскопках на о-ве Березань (работы В.В. Назарова) было найдено фрагментированное граффито VI в. до н.э. с изображением лофоса шлема.

²⁴ *Sopolly*. Op. cit. P. 52.

²⁵ Черненко. Вооружение... С. 499.

²⁶ Эту точку зрения ранее разделяли и авторы настоящей работы. См.: Русяева, Черненко. Ук. соч. С. 103; Назаров В.В. Новые находки наконечников стрел из архайских поселений Нижнего Побужья // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 179.

²⁷ Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

действовать могла только во взаимодействии с тяжеловооруженной пехотой или конницей, а также в обороне на городских стенах.

Исследования остеологического материала, полученного в процессе раскопок архаических слоев Ольвии и поселений хоры, показали, что поголовье лошадей здесь было невелико²⁸; и, следовательно, нет оснований говорить о существовании в составе войска полиса конницы, как сколько-нибудь серьезного в военном отношении формирования. В пользу этого свидетельствует также незначительное количество находок предметов конского снаряжения при раскопках. Вообще представляется маловероятным, чтобы войско земледельцев-эллинов, будучи вооружено и организовано по скифскому образцу, могло успешно противостоять кочевникам, с детства привыкшим управляться с конем и луком, для которых способ ведения боевых действий в конном строю естественно вытекает из самого уклада жизни.

Находка детали эллинского круглого щита служит еще одним подтверждением высказанного а priori мнения В.Д. Блаватского о том, что ополчение граждан Ольвии архаического времени было вооружено так же, как и войска полисов метрополии²⁹. То, что эти щиты характерны для гоплитов, сражающихся в составе фаланги, свидетельствует о применении ее ольвиополитами и, естественно, о наличии здесь тяжелой пехоты. Такой принцип вооружения на раннем этапе истории Ольвии объясняется и тем, что колонисты привезли с собой те виды оружия, которые были им присущи в метрополии.

Значительный интерес представляет и само обстоятельство находки щитовой пластины в пределах культового участка. Учитывая аналогичные находки в Олимпии, Дельфах, Додоне, на афинском Акрополе, можно предположить, что обычай посвящать оружие в храмы существовал и в Ольвии архаического времени. При этом нельзя не вспомнить, что ранее найденные на территории данного теменоса обломки махайры, большого железного ножа и панциря, по всей вероятности, также были приношениями в святилище³⁰. Обычай посвящать различные фигуры курсов и воинов с конем и щитом божествам после сражения или в виде вотива до него был известен в Элладе³¹. У греков конечно, отсутствовал культ оружия³² наподобие того, который существовал у ближайших соседей Ольвии — номадов³³ (Herod. IV. 62). Тем не менее, очевидно, продолжала существовать традиция посвящать различные виды вооружения божествам. В дельфийский храм Аполлона было пожертвовано афинянами золотое оружие, в частности, щиты из добычи после победы при Марафоне, а этолийцами — щиты галатов также после победы над ними (Paus. X. 19. 4). Павсаний приводит еще ряд примеров о дарах золотых и медных щитов в храмы (I.25.7; IV.16.7; V.10.4—5.12.8; IX.16.5; X.8.7), причем щиты посвящались и Аполлону, и Афине, и даже Деметре. В такой же мере существовал обычай принесения в дар божествам после победы различного вида панцирей, в том числе доспехов побежденных (Paus. I.21.7; 27.1; VI.19.7; VIII.28.1). О том, что обычай посвящения оружия божествам не был чужд и северо-

²⁸ Журавлев О.П. Животноводство, охота и ливидиантные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. Киев, 1983. С. 38—45.

²⁹ Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 74, 85.

³⁰ По мнению автора раскопок А.С. Русяевой, в настоящее время можно уверенно считать, что сооружение полуземляночного типа, в котором были найдены обломки оружия, не было обычным жилищем, как считалось ранее (Русяева, Черненко. Ук. соч.). Оно было расположено рядом с синхронными ему культовыми ботросами в непосредственной близости от одного из ранних алтарей и входило в культовый комплекс теменоса.

³¹ Buschor E. Altsamische Standbilder. В., 1935. № 168—173.

³² Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1976. S. 208—347 f.

³³ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 45—50.

причерноморским грекам, свидетельствует известное изображение пятиколонного храма на позднем боспорском надгробии, где в интерколумниях присутствуют большие круглые щиты³⁴. Не исключено, что обломок железного панциря, а также большой железный нож из Западного теменоса также принадлежат к восной добыче ольвиополитов.

Таким образом, становится очевидным следование древнеэллинической традиции в преподнесении оружия в святилища ольвиополитами. В ботросах и слоях Западного теменоса нередко встречаются наконечники бронзовых, значительно реже — костяных стрел. Необходимо отметить, что в границах данного теменоса существовала бронзолитейная мастерская, в которой отливались и наконечники стрел³⁵. Однако впервые при исследовании ольвийских святилищ найдены фрагменты защитного оружия.

В пределах западной сакральной зоны по данным посвященных сосудов размещались в VI в. до н.э. святилища Аполлона Врача, Матери богов, Диоскуров, Гермеса и Афродиты, возможно, Афины. Однако пока открыты остатки только двух храмов (очевидно, Аполлона Врача и Матери богов). Исходя из того, что Аполлон более всего обладал сотерическими функциями и к тому же выступал главным патроном полиса, можно полагать, что оружие посвящалось именно этому богу. Если же действительно по обычаю оно жертвовалось после победы в сражениях, то это еще одно подтверждение тому, что во второй половине VI в. до н.э. ольвиополиты воевали с варварами и одерживали победы, о которых, вероятно, и упоминает Эфор (Athen. XII. 523 sq.)³⁶.

Найденный в Ольвии небольшой фрагмент бронзовой пластины от щита пополняет число этих достаточно редких находок еще одним экземпляром, а также служит свидетельством того, что нижебугские колонисты обладали сравнительно дорогостоящим импортным оружием, украшенным рельефными изображениями, которое, как и в Элладе, было преподнесено в дар богу в благодарность за одержанную победу и сохранение жизни.

³⁴ *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. № 65. Существуют различные варианты датировки и интерпретации этого памятника. См.: *Назаров В.В.* Архитектурные сооружения на монетах Боспора // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры.* Киев, 1986. С. 159.

³⁵ Найдены также специальные приспособления для их отливки, см. *Назаров.* Новые данные о бронзолитейном ремесле в Ольвии. С. 112.

³⁶ Иную интерпретацию этого свидетельства см.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция.* I. 1983. С. 371 сл.

К НАХОДКЕ ОБКЛАДКИ ЩИТА В ОЛЬВИИ

(Археологический комментарий)

Находка обкладки щита типа аргосских в Ольвии уникальна сама по себе. До настоящего времени самые северные находки обкладок таких щитов происходили из Додоны. Авторы публикации не учли сравнительно недавно вышедшую монографию Петера Бола об аргосских щитах¹, в которой суммирован колоссальный материал. На художественное оформление обкладок щитов оказали влияние зеркала с рельефами коринфского стиля. Мастерские Аргоса, одного из важнейших центров художественной обработки металла архаической Греции, выпускали щиты с середины VII по середину V в. до н.э.: период расцвета их продукции относится к последней трети VII — первой половине VI в. до н.э. Они

¹ *Bol P.C.* Argivische Schilde (Olympische Forschungen, XVII). В.—N.Y., 1989.

были наиболее распространенным типом этих изделий в Греции; находки аргосских щитов широко представлены в общегреческих святилищах².

К сожалению, плохая сохранность ольвийского фрагмента не дает уверенности в точной атрибуции сюжета, однако, в качестве возможного можно предложить сцену, изображающую Ахилла и Аякса, играющих в кости. Возможность такой атрибуции была высказана П. Болом, к которому мы обратились за консультацией. Этот сюжет был воплощен еще в картине Эксекия — она имела множество подражаний, в том числе и одним из мастеров обкладок щитов. Помимо рельефа, известного еще А. Фуртвенглеру, в настоящее время учтено еще четыре поздних бронзовых рельефа из Олимпии. Такой рельеф, публикуемый П. Болом, происходит из раскопок стадиона в Олимпии и образует центральную часть трехчастной композиции³. Ольвийский рельеф имеет другое орнаментальное оформление по краю — плетенку, напоминающую орнаментацию большинства других находок из Олимпии⁴. Предложенная авторами публикации датировка — вторая половина VI в. до н.э. — сомнений не вызывает.

М.Ю. Треуснер

FRAGMENT OF A SHIELD FROM OLBIA

A.S. Rusaeva, V.V. Nazarov

The authors publish a unique for the Pontus Euxinus find of a bronze plate executed in the relief technique which belonged to the facing of the handle of the Greek shield, in all probability of Argos origin; by the style of the representation of the figures and ornament the plate should be dated by VIth century B.C.

In the opinion of the authors, the discovery of this archaeological artifact among the votives of the Western temenos of Olbia makes it possible to regard the shield as an offering to the temple on the occasion of a victory in a battle.

² Ibid.; *Bol. P.C. Zur Argivischen Kunst vor Polyklet // Polyklet: Der Bildhauer der griechischen Klassik. Ausstellung im Liebieghaus Museum alter Plastik, Frankfurt am Main. Mainz, 1990. S. 43.*

³ *Bol. Zur Argivischen Kunst...* S. 67—68. Taf. 73. Kat. II 55.

⁴ Ibid. S. 36—39.